

313	0258-01	ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ	"На излёте эры"	Часть 1 "В трудах и спячке"
314	0258-02	ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ	"На излёте эры"	Часть 2 "Признаешь ли, Отечество?"

"На излёте эры" (Коренблиг – Кублановский)

Часть 2 "Признаешь ли, Отечество?"

1(23). Забудь	– 1.20
2(24). Решено	– 1.38
3(25). В нашем Отечестве	– 1.08
4(26). По чёрным путям	– 1.06
5(27). В чужом дому	– 1.23
6(28). Прости	– 1.25
7(29). Поезд дальнего следования	– 1.27
8(30). Признаешь ли, Отечество?	– 1.40
9(31). Возвращение	– 2.03
10(32). Я не схимник	– 1.24
11(33). Наши тени	– 1.18
12(34). Ледяные сливки	– 2.33
13(35). На излёте ночи	– 2.05
14(36). Зимовки	– 1.33
15(37). В Мекке красных	– 1.31
16(38). Колыбельная	– 1.52
17(39). Вдруг вырвалось	– 1.00
18(40). Да разве думали?	– 2.33
19(41). В финале столетия	– 1.16
20(42). На излёте эры	– 2.38
21(43). Ход жизни краткий	– 1.46
22(44). Ночь в Останкине	– 1.44
<i>Общее время звучания – 36.23</i>	
<i>Общее время звучания – 79.09</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "Признаешь ли, Отечество?"

1. ЗАБУДЬ

Забудь, чего я тебе скажу.
 А не забудешь — что ж.
 Я сам, что тать, по ночам дрожу
 и выкрикну первым: ложь!

Заворожённо с дубовых крон
 рушится ржавый лист.
 Пустого храма щербат пилон.
 Ветра холодный свист

по-уркаганьи прилип к лицу.
 Ухватчив сухой репей...
 Здесь бы повёл я тебя к венцу
 мимо живых ветвей

во дни — как ладан катил слои
 к оперенью свеч, за которым Спас.
 Чтоб отец, и мама, и все твои...

Далека дорога обратно; и —
на заре ободок у глаз.

2. РЕШЕНО

Решено — а что решено?
Сквозь холщовое решето
манна упругая сыплется вниз,
где сумрак, голь и ржав барбарис.

Ещё денёк ложится на дно.
Оконце к ночи зачернено.
Ни шагу вперёд, ни пяди вспять.
Папироску смять да ложиться спать.

...Через волок лет во сырой земле
ни за что не будет так хорошо,
как теперь на сухих простынях в тепле,
где на стёклах осенних дождей крюшон.

Красновата пена дождя в ночи.
Много днём кричишь, по ночам молчи.

Говорят, живём на земле в аду,
и, увы, правы: к сорока сгорим.
Выбирай во сне по душе звезду
и заранее назовись родным.

3. В НАШЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

По осени ветер стоустый,
трубя в онемевший рожок,
с небес галактический тусклый
сдувает тишком порошок.
В курганах бесхозного сора,
снежке, согревающим персть,
в весёлых глазах мародёра
нездешняя чудится весть.
И в нашем отечестве тварном
всё криминогеннее ад
бездонный — под светом фонарным
у самых церковных оград.

4. ПО ЧЁРНЫМ ПУТЯМ

Это — когда опять без угла,
а дело всю к зиме.
Электричка клацнула и ушла,
нас утопив во тьме.

Ещё в пути человек простой
всё угостить хотел,
да я в ответ мотнул головой:
не буду, дескать, — говел.

На полустанке ледок и слизь.

Пришлось его довести:
— А ну, браток, на скамью садись,
а я побежал, прости.

...По чёрным путям к любимой своей,
где её отец-инвалид
из суток в сутки на койке спит,
где венчик газа всю ночь горит,
но стоек сквозняк с полей.

5. В ЧУЖОМ ДОМУ

В чужом дому. Книгу возьму
(а дело к зиме — беда!) —
или слово не по уму,
или белиберда.

Посеребрён вдалеке лесок,
и обещен храм.
Как ржав кирпичный его песок,
когда долетает к нам!

... Скоро за раму сала кусок
повесит добряк-отец.
И будет синица его — цок, цок,
пока не склюёт вконец.

Но в эти дни уже тут с тобой
не просыпаться мне.
А где-нибудь с больной головой,
с монеткой (а на пивко) сырой,
с зимним бельмом в окне.

6. ПРОСТИ

Заворожённый денёк погож.
Первый снежок в горсти
мгновенно тает.
Родная, что ж,
я первым скажу — прости.

От дней, как падал румяный прах
в коричневатое озерцо,
как много правды в твоих словах
и как знакомо твое лицо!

Достало б силы у братских ям
припомнить всё до последних крох.
Как будет мне драгоценен там
твой каждый выдох и каждый вдох.

...Прости, что в тридцать в рваньё ходил
и ел с юродами на одной
кухне под сводом прихода. Был
(чем чаще лгал, тем тесней любил)

— не из тех, про кого похвалялись: «свой».

7. ПОЕЗД ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ

На древних на рельсовых стыках
потряхивает наш Ноев...
В повадках, одежде, ликах
заметны следы запоев.

Помятые непоседы,
ограбленные на старте,
горячечные беседы
заводят, теснясь в плацкарте.

Хорошие логопеды
должны языки нам вправить,
чтоб стало, зашив торпеды,
чем русского Бога славить.

Родная земля не родит,
как ветвь не даёт побегов.
По новой на ней проходит
ротация человеков.

Застиранные тряпицы
раздвинутых занавесок,
и сажи жирны крупницы.
А дальше — один подлесок
да ворон в темнеющей сини
над дюнами вьюжной пустыни —
и держат удар непогоды
все долгие-долгие годы...

8. ПРИЗНАЁШЬ ЛИ, ОТЕЧЕСТВО?

Признаёшь ли, Отечество, сына
после всех годовщин?
Затянула лицо паутина,
задубев на морозе, морщин.
И Блаженный сквозь снежную осыпь
в персиянских тюрбанах своих
на откосе, словно славное воинство, тих.

Человеки те и те, и поди разреши:
где иовы-калеки,
где ослабленные алкаши,
вновь родных подворотен
отстоявшие каждую пядь.
Нам со дна преисподней
с четверенек неловко встать.

...Расставаясь с Украиной,
пошатнулся рукастый репей,
сей дозорный бескрайних
отложившихся волн и степей.

Родовую землю
у каких пепелищных огней,
аки хищную птицу,
нам отпаивать кровью своей?

9. ВОЗВРАЩЕНИЕ

В укусе пламя жемчужное —
солнце варяжское, вьюжное
в пору затмения.
Площадь с трусящей волчицею.
И над безлюдной столицею
райское пение.

Дома! Взбегу-ка по лестнице
к милой (и славно, что в плесени
ручка дверная),
забарабаню костяшками,
как там у ней под рубашкою
крестик, гадая.

В лампы с фарфоровым парусом
и потускневшим стеклярусом
круге зелёном
дай, словно маленький, силу испробую,
сжав в затупившихся щипчиках с пробойю
сахар пилёный.

Память — река с ледяными заторами,
если уехал — тони под которыми
впредь до подъёма
в знобкое утро Второго пришествия
с преданным привкусом счастья и бедствия,
стало быть, дома...

Стёкла с крупичами,
Кладбище с птицами
за снегопадом
с ветками липкими,
тропами скрипкими.
Родина рядом.

10. Я НЕ СХИМНИК

Я не схимник, спустившийся с гор
и вступивший в немой разговор
с непривыкшей к смирению речкой,
что о камни дробится в упор
и бахвалится царской уздечкой;

нет, под тёмные залежи туч
не спускался я засветло с круч,
не дремал на ржавеющем камне,
подставляя морщины под луч, —
эта благодать совсем не нужна мне!

Вижу, ты разглядела насквозь
достоверность рассказанной байки,
и боюсь, как застенчивый гость,
пятерню запускающий в гроздь,
надоесть терпеливой хозяйке.

Где пришёлся один на двоих
огоньками усеянный вечер,
я лишь отзвук приказов твоих,
верный отблеск зрачков золотых —
и поэтому так переменчив.

11. ТЕНИ

...Сбрасываешь шубку торопливо,
варежку, похожую на мышь.
Отчужденна и самолюбива,
вся-то ты сухим огнём горишь.

В доме всё запущено, что в хлеве.
Разобьётся чашка на краю.
Ты сегодня в молодости, в гневе,
узнаю, родная, узнаю.

Но глаза разжалоблены плачем!
Но заколка съехала к челу!
Погоди, налью, пока горячий,
брошу сахар в золотую мглу.

Наши тени долго колебались,
но, пока мы ссоримся сейчас,
вдруг взметнулись и перемешались...
Наши тени выбрали за нас!

12. ЛЕДЯНЫЕ СЛИВКИ

Это было рано — ещё до инков,
потому ни почты, ни дневника;
ни простого четкого фотоснимка
посейчас не найдено с нас пока.

Никаких вещдоков у разночинца,
у глупца, певца из гурьбы калик.
Помню только, грел с твоего мизинца
в серебро оправленный сердолик.

А какие сосны, какие ели,
да на разных уровнях вразной,
объяснялись лапами, как хотели
и о чём хотели между собой!

И когда в Галактике жизнь кончалась,
ты, её слезинкою осоля,
С нашей общей помощью облачалась

на ночь в платье голого короля.

Благо окна были в репье мороза
плюс туда ж слетевшаяся щепка
из давно закрытого леспромхоза
со звезды, что стала на свет скупа.

В прошлом — только бобики хрипло лают.
А теперь — пространство перекроя,
челноки космические снимают
ледяные сливки с небытия.

13. НА ИЗЛЁТЕ НОЧИ

Зима с огнём на поражение
при беспорядочных разборках,
с поддачей, головокружением,
объятиями на задворках —
она прошла; остались в памяти
гудки автомобильных пробок,
на сумеречном небе наледи
над домино жилых коробок.

...Да споры: кто же мы — отступники
в перелицованной одежде
и где — в банановой республике
или империи, как прежде?
Иль на подходе нынче к власти знать,
скомандующая «короче!»
любителям поразглагольствовать
по-русски на излёте ночи.

14. ЗИМОВКИ

Каждый год сложнее с зимовками,
солоней в мороз дышать,
тяжело ногам с подковками
за башку дела решать.

Каждый год труднее каяться,
ночевать в чужом углу,
по утрам в толкучке лаяться,
с папирос трясти золу,

пробегать туннелем мраморным
под кремлёвские часы,
ждать в газетах жирной траурной
над бровастым полосы.

...То ли дело лето с дачами,
воркотнёй дождя о жечь!
За любовью, за поддачами
забываешь, кто ты есть.

И косишь в метро на спутницу,

доставая пяточок,
как на белую капустницу,
залетевшую в сачок.

15. В МЕККЕ КРАСНЫХ

... В Мекку красных пришёл я ужаленным ими юнцом,
в лабиринтах её стал с годами похож на калику
и заросшим лицом, и пустою мошной — поелику,
меж татарских зубцов и начищенных римских убранств
вразумлён и отравлен бензиновой вонью,
этот гордиев узел имперских пространств
не могу разрубить онемевшей ладонью.

В Мекке красных, уставших жиреть и леветь,
конспирируя норы, избегая и впредь
под привычной балдой разговоров,
так и буду скакать на брусчатом торце площадей,
на скрещенье бульваров с деревьями в виде обрубка,
чтобы видели все: я нахохленный злой воробей
и ни пяди снежку уступать не намерен, голубка!

16. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Снег поскрипывает нарами.
На ветру лицо горит.
Русь под новыми татарами
крепко, крепко, крепко спит.

Под татарами, под пытками
говорливей немота.
За скрипучими калитками
золотая мерзлота.

Пахнет углями угарными
топка честного труда.
Русь под новыми татарами
спит до Страшного Суда.

...Я тогда пред Богом выступлю,
попрошусь к Нему на дно,
красный путь слезами выстелю,
чтобы с нею заодно.

17. ВДРУГ ВЫРВАЛОСЬ

Вдруг вырвалось пламя из топки,
оплавив закатную жесьть.

Опять подтвердили раскопки,
что Царство Небесное есть.

И уж не оттуда ль скорее,
чем мы ожидать их могли,

вернулись со снегом на реях

с сезонных работ корабли?

...В широтах немереных — ночи,
ветрами сносимые, и

ещё холодней и короче,
ещё безымяннее дни,

когда из разбитой коробки
доносится хриплая весть.

И дальневосточные сопки
хранят в себе Осипа персть.

18. ДА РАЗВЕ ДУМАЛИ?

Подумать, сколько было вложено
сердечной силы, скорби впрок!
Погребено и обезбожено,
и не пускаем на порог.

А сколько слов в слезах повторено,
и в каждом взгляде, и черте!
Всё позабыто, проворонено,
осталось неизвестно где.

...А для чего сугробы таяли,
в пшенице сохли васильки,
цепные псы на даче лаяли,
о стекла бились мотыльки?

Тогда среди сияний выпрених
ещё не открывалось нам,
что много званых, мало избранных
и приуроченных к мирам.

И растекаясь вместе с реками,
и забираясь на холмы,
и с солью радужной под веками
да разве думали, кумекали,
что всех недолговечней — мы?

19. В ФИНАЛЕ СТОЛЕТИЯ

В финале столетия — ближе к нулям —
в отместку отыгранным в спешке ролям
по ящику видим блондинку в мехах,
наброшенных сверху белья впопыхах,
когда, рассчитавшись с погоней, её
в своё холостяцкое было жильё
привозит застенчивый малый, качок
с зачёсом, затянутым в пышный пучок.

Зависла комета за чёрным окном
и смотрит на ужин мой с кислым вином,

и тут же, минуя мой скудный удел,
уходит на зов галактических тел.
...Захлопну-ка чтиво последних времён
с обложкою, съехавшей вбок, лексикон.
Потом над свечою кулак подержу
и тьме законной ожог покажу.

20. НА ИЗЛЁТЕ ЭРЫ

На излёте не век — но эра
враз со всеми её веками,
что, как пленниками галера,
нашей названа шутниками.

Тут худые дела творятся:
в каждом атоме, кварке — ложь, но
сконцентрироваться, собраться
даже мысленно невозможно,

старой нищенке дав купюру,
побирающейся в обносках.
Жизнь моя пролетела сдуру,
в общем, тоже на перекрёстках,

хорошо хоть не с биркой в яме.
Составлявшие камарилью
красномордые со стволами
тоже сделались ветром, пылью.

Те хозяева испытые
в прелых валенках, знатных бурках,
и прикинутые крутые,
в новых выросшие мензурках,

мы, любившие поутрянке
похмелиться не ради славы,
и холёные дяди — янки
из последней супердержавы,

и другие, кто нам неровни,
а ведь тоже казались былью,
подобрев, о себе напомним
синим ветром и серой пылью.

...Там — в зоне ином, пространстве
вспомню ли хохлому лесную
и укору в непостоянстве
в ночь холодную, вороную

вновь услышу, пускай беззвучно?
Ничего, ничего не минет.
И любовь, если ей сподручно,
вновь нахлынет и душу вынет.

21. ХОД ЖИЗНИ КРАТКИЙ

Необязательный
ход жизни кратный,
враз поступательный
и обратный.

И тем отчетливей
былое в хмари,
чем ты расчётливей,
черствей и старе.

Когда светает
теперь в окошке
моей сторожки,
никто не знает.

В сей миг досуга
и «или — или»
спросить бы друга,
да он в могиле:

мол, помнишь лето
и нас, шакалов,
гудевших где-то
у трёх вокзалов?

Но зелень вянет,
она пятнистей,
шершавей станет
и золотистей.

Могла до вьюги
форсить в жакете,
но и подруги
уж нет на свете.

Кристаллы сада
Моя хибарка —
в углу лампада,
в ногах овчарка.

Мороз по коже
бежит порою,
и сердце тоже
готово к сбою:

вдруг на халяву
заглянет третье
к нам на заставу
тысячелетье

и мельтешенье
воспоминаний —

канун крушения
мирозданий?

22. НОЧЬ В ОСТАНКИНЕ

Клумб взошедшая маками пашня.
Ртутно блещет сырая листва.
Вдалеке огоньки телебашни,
словно маленький дом божества.

Где-то узник ложится на нары,
где-то птица уснула, а тут
сплошь и рядом влюблённые пары
не решили, где ночь проведут.

Перед ними судьба свои карты
не раскрыла ещё до конца.
Знай, юные дамы и барды,
если в вас не остыли сердца,

не помогут вам куртки с кистями,
ливень вымочит ложе травы...
Прижимаясь друг к другу телами,
постепенно расстанетесь вы.

Знай, любитель гитарного звона,
от тебя в предиюньскую ночь,
испугавшись, в родимое лоно
убежит адмиральская дочь.